

МОРАЛЬНЫЙ АСПЕКТ ФЕНОМЕНА ПОПУЛИЗМА В ПОЛИТИКЕ ПОЗДНЕЙ РИМСКОЙ РЕСПУБЛИКИ

Е. В. Держивицкий, В. Ю. Перов, А. М. Положенцев

Санкт-Петербургский государственный университет
derzhiv@mail.ru, vadimperov@gmail.com, polozhenzev@icloud.com

---

EVGENIJ DERZHIVITSKIJ, VADIM PEROV, ANDREY POLOZHENTSEV
St. Petersburg State University (Russia)

THE MORAL ASPECT OF THE PHENOMENON OF POPULISM IN THE POLITICS OF
THE LATE ROMAN REPUBLIC

ABSTRACT. The article is devoted to the study of the emergence and development of populism in the political struggle of the late Roman Republic. It focuses on the purely Roman nature of this phenomenon, which distinguishes it from ancient Greek demagogy, and highlights the basic principles and goals to which populist politicians appealed. The authors show that in its original meaning populism was a way of ensuring the participation of the people in politics. Despite all the ambiguity of this phenomenon, a conclusion is made about the objective regularity of the emergence of populism and about its high significance in the conditions of the social, economic and political transformation of the late Roman Republic. In addition, populism can be viewed as a marker of the existence of democratic politics, which presupposes the presence of civic virtues, both among citizens and among politicians, as well as the active participation of the people in political life.

KEYWORDS: populism, demagoguery, civic virtues, state ideology, Roman Republic, Cicero.

Термин «популизм» является довольно часто воспроизводимым элементом современного социально-политического дискурса. На нем держится внушительная часть риторики политической борьбы. Если столетие назад за этим термином стояли вполне внятные политические силы и программы, защищавшие интересы фермеров и крестьянства, то сейчас он размыт и имеет явные отрицательные коннотации. Политические оппоненты и масс-медиа не устают обвинять тех или иных деятелей в популизме как в главном политическом грехе. Эти обвинения уничижительны, но сам популизм как метод

постоянно доказывает свою эффективность, и борьба с популизмом становится еще одним оружием популизма.

Феномен популизма находится также в фокусе интересов научного сообщества: ему посвящено множество статей, диссертаций и обстоятельных исследований. Обратим внимание на присутствующую в них моральную составляющую. В качестве рабочего описания тех интуиций, которые лежат в основе современного понимания популизма, мы будем опираться на исследование Я.-В. Мюллера «Что такое популизм?»:

«Популизм – это особое *моралистическое воображение политики*, способ восприятия политической действительности, предполагающий моральную чистоту и внутреннюю однородность народа, который противопоставляется коррумпированным и морально деградировавшим элитам. Критика элит – необходимое, но не достаточное условие, чтобы считаться популистом. <...> популисты утверждают, что они – и только они – являются истинными представителями народа. Их политические соперники всего лишь часть безнравственной, развращенной элиты» (Мюллер 2018, 37–38; пер. А. Архиповой).

Как видим, в плане оценки популизма, как исследователи, так и сами политические акторы акцентируют в этом феномене связь политики и морали. Мораль при этом понимается довольно абстрактно, без учета ее социального характера, апеллируя, как правило, к «высшим ценностям» или «благу народа». Так же не ясно, на какой моральной доктрине основывается популистская политика, какой именно этикой она руководствуется. Чтобы восполнить этот пробел, обратимся к историческим корням данного феномена политической жизни, а именно, к политической жизни поздней Римской республики, где мы сможем наблюдать зарождение популизма – и как формы политической тактики и как политологического концепта.

Как следует из этимологии термина, он восходит к латинскому «*populus*», то есть означаемым его является народ, точнее, его политически активная часть, обладающая правом принимать решения или выражать свое отношение к действиям политика. Римский популист, как правило, обладающий высоким социальным статусом, стремится подчеркнуть свою близость низшим слоям, перенимая манеры, принятые среди «простого народа», а не того сословия, к которому он принадлежал от рождения. Нередко этот переход сопровождается эпатажем, что добавляет политику известности и делает его предметом обсуждений, сплетен и подлинным творцом политических новостей. Для популиста всегда важна апелляция к возвышенным и абстрактным ценностям, вроде справедливости и свободы, с обязательным подчеркиванием своей априорной уверенности в том, что их разделяет каждый представитель народа. Популист полагает, что преследует выгоды и

интересы всего народа, который противопоставляется кучке представителей правящей элиты. Популизм редуцирует сложные проблемы к простым, и предлагает быстрый и очевидный способ их разрешения.

Помимо указания на происхождение термина, позволим себе сделать утверждение о сугубо римской природе самого феномена. Для этого целесообразно указать на его отличие от греческой «демагогии». В ранней афинской демократии демагог, или «вождь народа», понимался не только как его предводитель, но и как защитник. Ими, как правило, были представители знати, вроде Солона или Перикла, которые пользовались заслуженным авторитетом, как в глазах аристократии, так и демоса. Однако демократический характер их политики определялся не столько стремлением опереться на численное превосходство демоса, сколько соображениями поддержания гражданского мира. После поражения в Пелопонесской войне и правления тридцати тиранов афинская демократия стала эволюционировать в свою противоположную форму, в отношении которой закрепилось определение «охлократия». С этого момента и вплоть до утраты своей независимости Афинами правили именно те «вожди народа», благодаря которым демагогия приобрела свою печально известную репутацию. Поэтому может показаться, что римский популизм есть не что иное, как повторение греческой демагогии. Но в том то и дело, что ни в политико-культурном, ни в институциональном, ни в национально-гражданском отношениях аналогии между греческим и римским «народами» не являются уместными. Здесь важно сделать еще одну принципиальную оговорку: популизм – это именно тактика в политической борьбе, средство мобилизовать и направить сторонников для достижения политических целей, а не переустроить на иной лад политическое пространство государства. Поэтому в дальнейшем, говоря о политиках-популистах, мы будем опираться только на тех, кто, даже прибегая к насилию, не желал (или не мог) уничтожить своих противников и установить вооруженным путем единоличную власть, подобно Катилине или Цезарю, хотя их программы, безусловно, были популистскими. Еще «со времен древних греков и римлян слово “народ” использовалось по меньшей мере в трех смыслах: во-первых, народ как целое (т. е. все члены политики или того, что раньше называли “политическим телом”); во-вторых, “простые люди” (часть *res publica*, состоящая из простолюдинов – т. е., выражаясь современным языком, из обездоленных, бесправных, исключенных, забытых); в-третьих, нация как целое, понимаемое в культурном смысле слова» (Мюллер 2018, 41; пер. А. Архиповой).

После окончания III Пунической войны и дальнейшего расширения на восток, когда Рим перестал являться городом-государством и начал превра-

щаться в мировую державу, после начала предоставления прав римского гражданства италикам, а параллельно либертинам – бывшим рабам, понимание римского народа как единого «политического тела» безвозвратно утратило свою актуальность. Как следует из основных событий истории поздней республики, политики, которых можно идентифицировать как популистов, и которые относились, со всеми оговорками, к партии, именуемой «популярами», преследовали интересы или опирались на народ в его втором понимании. К третьему пониманию народа как гражданского целого, как мы убедимся далее, ближе всех подошел только Цицерон.

Я.-В. Мюллер, описывая специфику римского популизма, утверждает, что «отстаивание интересов <...> “простого народа”, – это не популизм, но утверждение, что только плебс (противопоставляемый патрициям, не говоря уже о рабах) является истинным *populus Romanus* и что подлинными представителями этого истинного народа являются только популяры, – вот это уже популизм» (там же, 41–42).

Однако если во времена Полибия еще можно было говорить о римском народе, «политическое тело» которого было представлено сословием плебеев, а политическая воля выражалась народным собранием, то всего через полвека это понятие сделалось крайне неоднозначным.

Со времен установления Республики главным политическим органом управления был сенат, формирование состава которого фактически было прерогативой аристократического сословия патрициев. Однако у плебеев было право выбирать народных трибунов, которые, будучи низшими магистратами, имели право интерцессии – запрета не только на любой принятый закон, но даже на саму попытку его обсуждения. Именно благодаря трибунам, первоначальной задачей которых была защита плебеев от произвола аристократов и консулов, *maiestas populi romani* – «величие римского народа», оскорбление которого рассматривалось как государственное преступление, воплощалось в полной мере, потому что его источником считался исключительно народный суверенитет. Характерная для античных обществ связка «гражданин-собственник-солдат», не допускающая выпадения из этой цепи хотя бы одного элемента, для классической римской республики имела наибольшее значение. До военной реформы Гая Мария (102 г. до н. э.) к службе допускались только граждане, которые успешно вели свое хозяйство и имели добропорядочную репутацию. Доступ в армию иных лиц был закрыт, а попытка проникнуть в нее преступникам, рабам или вольноотпущенникам каралась смертной казнью. Также не подлежали призыву свободные граждане, не обладавшие собственностью, т. н. «пролетарии», или те, чьи профессии считались «низкими», вроде брадобреев или поваров. Помимо высказан-

ного еще Аристотелем суждения, что полноправными гражданами должны быть только свободные собственники, имущества которых достаточно, чтобы не находиться в услужении, в римском варианте дополнялось еще одним важным обстоятельством: военная служба рассматривалась не как повинность, а как привилегия, и имела сакральный характер. «С точки зрения сакрального права, войско конституировалось как таковое через религиозный по своей сути акт принесения воинской присяги (*sacramentum militiae*), который и превращал гражданина в воина, ставя его в особые отношения с носителем империи и богами» (Махлаюк 2006, 148). Следует в связи с этим вспомнить, что в своих речах перед народным собранием Цицерон обращался к гражданам не иначе как к «квиритам», то есть «копьеносцам», рядовым воинам, подчеркивая тем самым их полноправность.

Трансформация связки «гражданин-собственник-солдат» началась с середины II в. до н. э., когда, после завоевания Македонии и Карфагена, в Рим потоком хлынули богатства. Помимо того, что это привело к невиданному обогащению немногих и дало современникам повод описывать все последовавшее в терминах «упадка нравов» (см. напр.: Держивицкий, Перов 2018), появились еще два важных для разрушения сакральной связи гражданина с государством последствия. Во-первых, за финансовой ненужностью был отменен «трибут» – подушный налог, т. е. мера, облегчившая материальное бремя граждан, одновременно должна была вызвать ощущение меньшей зависимости государства от них. Во-вторых, обострился аграрный вопрос: с увеличением количества рабов мелкие собственники становились неконкурентоспособными и разорялись; их земли в силу разных причин конфисковывались, зато наделы горстки латифундистов росли; разоренные крестьяне устремлялись в Рим, что сильно меняло его социальный и политический облик. И еще, о важности чего упоминали современники: с исчезновением патриархального уклада, одной из основ которого было трудолюбивое, честное и умеренное крестьянство, катастрофически стало сокращаться и количество комплектуемых из него солдат. Поэтому все аграрные реформы, проекты или попытки которых имели место со 2-й половины II в. до н.э. вплоть до последних дней республики, направленные на предотвращение пауперизации крестьян, преследовали весьма перспективную цель, напрямую связанную с безопасностью государства. Однако обоснование их, по крайней мере, на уровне риторики, опять же строилось вокруг ценностей высшего порядка, вроде «свободы» и «справедливости».

По сути дела, римский народ времен Цицерона, в отличие от представителей древних аристократических родов, уже был не совсем «римским». Немалую долю в нем составляли получившие права гражданства италики, и

особенно вольноотпущенники, чей опыт ответственного участия в политике и в управлении государством либо отсутствовал вовсе, либо реализовывался в условиях перманентных гражданских смут. «Древняя плебейская раса погибла: осталось население смешанного происхождения большею частью привезенные, как пленники» (Шампаньи 1882, I, 23; пер. Д. Киреева). Именно в их адрес Сципион, в ответ на рокот толпы, начавшийся из-за его оправдания убийства Гая Гракха, произнес некогда фразу: «Пусть молчат те, кому Италия не мать, а мачеха!», добавив «которых я продавал в рабство» (Короленков 2008, 218–219). В источниках того времени слово «плебс» часто заменяется «черню» и «толпой», отношение к нему со стороны «истинных» римлян крайне презрительное. Но в день народных собраний к плебейцам обращаются по именам, жмут им руки и всячески льстят, особенно кандидаты на выборные должности, которые устраивают развлечения не из благочестия, как встарь, а чтобы снискать их расположение. Неудивительно, что «эта составляющая народные сходки пьявка казначейства, жалкая и голодная чернь» (Цицерон, *Письмо 22* (Att. 1.16); 1994, I, 62; пер. В.О. Горенштейна) намного легче поддается на пропаганду радикальных реформаторов, чем на сдержанные аргументы умеренных политиков. Тот же народный трибун Публий Рулл, автор очередного земельного законопроекта, перед внесением его на народное собрание стал появляться в поношенной и неопрятной одежде, с нечесаными волосами и длинной бородой, что было расценено как признак крайне демократического содержания закона, раз он стремился выглядеть как те, на чью поддержку рассчитывал (там же, 252).

Особое место в ряду римских популистов того времени занимает предводитель крайних популяров, непримиримый враг оптиматов и лично Цицерона Публий Клавдий Пульхр. Он был выходцем из древнего аристократического рода, но чтобы получить право выставить свою кандидатуру в народные трибуны осуществил переход в плебейское сословие через усыновление, а свое имя «Клавдий» сменил на более близкое народному произношению «Клодий». Характеристики его в историографии довольно близки: Т. Моммзен считает его анархистом и беспринципным демагогом, Г. Хаскел называет его «political gangster in action», о том, что он преследовал лишь свои цели, говорит и Эд. Мейер. Впрочем, отечественный историк Р. Ю. Виппер полагает, что он был истинным наследником движения Гракхов, прибегавший к насилию как к вынужденной мере, в ответ на насилие оптиматов. В переписке Цицерон отзывается о нем как о «бешеном человеке», «человеке, потерявшем рассудок», «безумном оскорбителе» и т. д. В своих речах, где он затрагивает личность и деятельность Клодия, он неизменно изображает его как предводителя черни и отбросов общества, пред-

водителя погромщиков, распутника и врага всех добропорядочных людей, что, конечно, нельзя не признать ораторским преувеличением (см. напр.: Держивицкий, Перов 2018). Однако его репутация говорила сама за себя: в армии своего шурина Лукулла, воевавшего на Востоке, он пытался поднять против него бунт; занимался вымогательствами в Цизальпинской Галлии; привлекался к суду по обвинению в святотатстве, когда, нарядившись в костюм арфистки, явился на свидание к жене Цезаря во время праздника Доброй богини, на который допускались только женщины; во главе вооруженных отрядов терроризировал всех своих противников, в том числе Помпея; добился принятия закона о наказании за казнь римских граждан без суда, направленный лично против Цицерона, а когда тот удалился в изгнание, разрушил его дом; наконец, в одной из вооруженных схваток был убит, после чего толпа отнесла его тело в здание сената, сложила погребальный костер из скамеек, в результате чего разгоревшееся пламя уничтожило курию. Но самым важным в биографии этого прирожденного смутьяна было то, что хотя он и был «вождем народа» и популяром, «вряд ли были свойственны ему какие-либо политические убеждения» (Грималь 1991, 206; пер. Г.С. Кнабе и Р.Б. Сашиной).

Именно это отсутствие политических убеждений позволяет говорить не только об отличии римского популизма от греческой демагогии, но и о его специфике в самой политической борьбе поздней республики. Ведь в этот период, как мы уже отмечали, Рим окончательно преодолел свою архаичную полисную структуру: если в Греции даже при демократическом правлении права гражданства неизменно предоставлялись только полноправным выходцам из данного полиса и никому больше, в Риме в состав плебеев допускались выходцы из самых разных этнических и социальных слоев. Поэтому выходки демагогов вроде Клеона имели более узкий круг симпатизирующих, ограниченный полноправными гражданами, в то время как бесчинства «бешеных народных трибунов» вызывали восторг именно черни. Вот почему, при всей склонности античной культуры к проявлению эпатажа, даже театральности, нельзя уравнивать такое упомянутое стремление сблизиться с «простым народом», как переезд Гая Гракха в бедный квартал города и изменение преномена «Клавдий» на «Клодий»: ведь первый воспринимал свою деятельность как трагическую и неотвратимую миссию во благо народа, а второй – как рискованную авантюру с целью вызвать расположение толпы исключительно к собственной выгоде. Именно этот критерий следует в качестве определяющего из суждений Цицерона и последующих историков.

Пожалуй, ни в одном своем произведении Цицерон не дает такого глубокого и всестороннего анализа сути понятия «народ», как в речи 56 г. «В защиту Сестия», народного трибуна, способствовавшего возвращению Цицерона из изгнания, и врага Клодия. Хронологически она располагается между двумя важными событиями: первое – подавление заговора Катилины и спасение государства в 63 г., ставшее возможным, по мнению Цицерона, благодаря достижению «согласия народа»; второе – написание им во второй половине 50-х гг. накануне новой гражданской войны двух его важнейших политических диалогов: «О государстве» и «О законах». Эта речь стала связующим звеном между концепцией «*concordia ordinum*», воспроизведшей во многом учение о смешанной конституции Аристотеля и Полибия, но потребовавшей своей модификации в духе времени, и созданием образа «идеального гражданина» – кормчего государства и его спасителя. В ней же Цицерон предлагает совершенно иной взгляд на природу и свойства «популяр» и «оптиматов», которыми традиционно называли сторонников народного собрания и сената.

Кто же такой народ, само присутствие и значение которого отражено в римском названии государства «*res publica populi Romani*», понимаемое не как республиканская форма правления, а как государство вообще? «Итак, государство есть достояние народа, а народ не любое соединение людей, собранных вместе каким бы то ни было образом, а соединение многих людей, связанных между собою согласием в вопросах права и общностью интересов» (Цицерон 1966, 20; пер. В.О. Горенштейна). Его единство было поколеблено с появлением богатств и тяги к роскоши, за чем последовало разъединение «государственного тела» на две части (там же, 18), хотя раньше народ, не обладавший необходимыми познаниями, подчинялся более мудрому сенату как тело душе (Цицерон 1981, 134; пер. В.О. Горенштейна). Возникшие «партии» не только породили трагическую утрату единства государства, но и поставили его на край гибели. Однако популяры былых времен, вроде Гракхов или Сатурнина, в отличие от современных, были людьми честными или, по крайней мере, не прибегали к услугам наймитов. По версии Цицерона, которую он излагает в речи «В защиту Сестия», положение дел выглядело следующим образом:

«в те времена популяры, правда, вызывали недовольство в значительных и почтенных людях, но благодаря признанию и всяческим знакам одобрения со стороны народа были в силе; им рукоплескали в театре; при голосовании они достигали того, к чему стремились; людям были милы их имена, их речи, выражение лица, осанка. Их противники <...> толпе они угодны не были; при голосовании их намерения часто терпели поражение; а если кого-нибудь из них когда-

либо и встречали рукоплесканиями, то этот человек начинал бояться, не совершил ли он какой-либо ошибки. Но все же в более важных делах тот же самый народ внимательнейшим образом прислушивался к их советам» (Цицерон 1993, II, 139; пер. В.О. Горенштейна).

Произошедшие в государстве перемены сделали традиционное представление о партиях, важнейшим критерием принадлежности к которым было социальное происхождение, устаревшим: среди вождей популяров были исключительно нобили и аристократы, но и среди приверженцев старого порядка находились выходцы из плебса. Кроме того, римское понимание «партий» не предполагало наличие какой-то скрепляющей идеологии, чаще всего это было объединение сторонников вокруг какой-либо политической фигуры, вроде «*pars Pompeiana*» или «*pars Clodiana*». Поэтому подлинным основанием для деления народа Цицерон выбирает моральные качества его представителей, их образ и цель жизни.

«Среди наших граждан было два рода людей, стремившихся участвовать в государственной деятельности и играть в государстве выдающуюся роль: одни из этих людей хотели считаться и быть популярами, другие – оптиматами. Те, кто хотел, чтобы их поступки и высказывания были приятны толпе, считались популярами, а те, кто действовал так, чтобы их решения находили одобрение у всех честнейших людей, считались оптиматами. <...> это – руководители государственного совета; это – те, кто следует за ними; это – люди из важнейших сословий, для которых открыт доступ в Курию; это – жители римских муниципиев и сел; это – дельцы; есть даже вольноотпущенники-оптиматы. <...> Оптиматы – все те, кто не преступен, кто от природы не склонен ни к бесчестности, ни к необузданности, кто не обременен расстроенным состоянием» (там же, 136-137).

Популяры же – это те,

«кто либо из страха перед наказанием, сознавая свои проступки, стремится к новым смутам и переворотам в государстве, либо вследствие, так сказать, врожденного безумия упивается раздорами среди граждан и мятежами, либо вследствие запутанности своих имущественных дел предпочитает погибнуть в пламени всеобщего пожара, а не сгореть в одиночку. Всякий раз, когда такие люди находят вдохновителей и руководителей для своих порочных стремлений, в государстве начинаются волнения» (там же, 137).

Численное превосходство в государстве оптиматов обеспечивает его стабильность, точно так же как большинство людей из «среднего слоя» граждан, по мнению Аристотеля, придавало устойчивости политике. Но Цицерон, как мы видим, в этом вопросе идет существенно дальше: если согласно Аристотелю полноправными гражданами могут быть только свободные уроженцы данного полиса, то Цицерон включает в число оптиматов дельцов, а также

муниципалов и вольноотпущенников, то есть даже не римлян по рождению. Это – именно «порода людей», объединенных общими гражданскими ценностями, и подлинным достоянием которых является государство, «res publica». Сама история, уверен Цицерон, судьбами наиболее доблестных граждан подтверждает его правоту, поскольку «тех, кто пренебрег мудростью сената, авторитетом честных людей, установлениями предков, кто захотел быть угодным неискнутой или возбужденной толпе, государство почти всех покарало либо быстрой смертью, либо позорным изгнанием» (там же, 152). «Будем любить отчизну, повиноваться сенату, радеть о честных людях; выгодами нынешнего дня пренебрежем, грядущей славе послужим; наилучшим для нас пусть будет то, что будет справедливейшим» (там же, 153).

Такое сознательное стремление Цицерона указать на то, что именно является подлинным интересом «нации как целого, понимаемого в культурном смысле слова», хотя и осуществленное через противопоставление «мятежникам» и «толпе» может показаться слишком утопичным и даже наивным. Не говоря уже о том, что это противоречит тем рекомендациям, которые изложил ему перед консульскими выборами брат Квинт в «Кратком наставлении по соисканию», этому признанному руководству по популизму (см. напр.: Марченко 2010), и которым, как можно предположить, Цицерон все же воспользовался. Стил «Наставления» предельно прагматичен и даже циничен, но сама римская политика того периода была далека от тех идеалов славных предков, на деяния которых Цицерон предлагал ориентироваться. И то, что они «уже давно ввиду порчи нравов стали предметом насмешек» (Цицерон 1981, 139; пер. В.О. Горенштейна), было очевидно не только Саллюстию. Но здесь важно помнить, что Цицерон был последователем Платона, верность теории которого он подтвердил в двух своих политических диалогах не только их названиями, но и попытками через идеальный проект государства представить в очищенном виде саму римскую конституцию. Поэтому его собственные проекты, как политические, так социальные и моральные неизбежно могли быть только консервативными.

«Наше же поколение, получив государство как превосходную картину, но уже потускневшую от времени, по небрежности своей не только не обновило ее теми же красками, какими она была написана, но даже не позаботилось о сохранении хотя бы ее общего вида и как бы очертаний. <...> Ибо мы, вследствие своих собственных пороков, а не какой-нибудь случайности, государство сохраняем на словах, но в действительности уже давно его утратили» (Цицерон 1966, 76; пер. В.О. Горенштейна).

Обновление этих потускневших красок в сфере нравов парадоксальным образом взяли на себя разрушители республики – Юлий Цезарь и Октавиан

Август. Политика последнего по восстановлению государства (*res publica restituta*) носила нарочито консервативный характер, а идеология Принципата восприняла многое из учения Цицерона, каким бы идеалистическим оно ни было. В «Деяниях Божественного Августа», политической автобиографии, автор постоянно подчеркивает идею о не просто восстановленном государстве и о его умиротворении после гражданских войн, но и о том, что он передал власть сенату и народу, вернув первому прежнее достоинство, а второму – свободу. Себя он видит всего лишь в роли принцепса, первоприсутствующего сенатора, чье значение определяется скорее авторитетом, чем полномочиями должностного лица, то есть в реальности в основании нового строя легло соглашение с сенатом, а не с народом (Гримм 1900, I, 86-87). Однако если в дальнейшем сенат, постепенно превращаясь в канцелярию, которая протоколировала распоряжения принцепса, временами проявляя свою политическую активность (в основном в виде заговоров против императоров), то о политической роли народа говорить уже не приходилось. Еще Юлий Цезарь, сторонник народного собрания, не только не расширил его права, но напротив, существенно сократил, запретив плебейские сходки, на которых не только критиковались власти, но и обсуждались весьма революционные проекты. Чтобы контролировать его активность напрямую, он возложил на себя в 48 г. полномочия народного трибуна.

Процесс укрощения политической активности народного собрания и его вождей завершил Октавиан. Был принят ряд законов, устранивших остроту земельного вопроса: во всяком случае тех движений, которые потрясали основы римской республики со времен Гракхов, мы больше не видим. Римская армия окончательно превратилась в профессиональную корпорацию, а солдаты считали себя не столько гражданами, сколько воинами императора: все это лишило актуальности патриархальную связку «гражданин–собственник–солдат». Подобно своему отцу, Октавиан, получив от народного собрания в 36 г. трибунскую неприкосновенность, с 23 г. получает от него еще и пожизненную трибунскую власть, то есть право *veto* на все решения сената, любых должностных лиц, и своих коллег-трибунов, буде таковые появятся. Поэтому неудивительно, что многие принцепсы периодически отказывались от консульских или иных полномочий, но никто и никогда не отказывался от *tribunica potestas* (Кнабе 1985, II, 150). Однако все эти решения обставляются самым законным образом и как согласие на инициативу самого народного собрания, перед которым все выступающие, включая императора, ведут себя соответствующим их достоинству образом. Приобретая всю полноту власти Август не кичится своим положением; гуляя по улицам в сопровождении одних ликторов не раз подвергает себя опасности, но при

этом сердечно отвечает на все приветствия; принимая законы об ограничениях роскоши и о наказаниях за прелюбодеяния, не щадит никого, включая родную дочь, а затем внучку; ограничивает практику предоставления римского гражданства, поставив ее в зависимость от образа жизни и нравственных качеств претендента; желая встретить совершеннолетие сына в должности консула, обращается к народу со смиренной просьбой позволить ему выставить кандидатуру в нарушение положенного десятилетнего перерыва; ведя скромный образ жизни, обустривает город и дороги, заботится о своевременном снабжении граждан хлебом, и, само собой, устраивает денежные раздачи и развлечения для народа.

Произошла странная метаморфоза: устранение популизма из римской политики стало следствием его монополизации со стороны государства, но это не вызывало никакого неприятия со стороны народа. Ведь все блага, которыми он пользовался теперь, ему, во-первых, не приходилось добиваться в опасной и требующих усилий борьбе, а, во-вторых, предоставлялись ему по праву, потому что *libertas*, «свобода», которую раньше отнимали у него аристократы, теперь означала правление на основании закона, а не произвола частных лиц. К тому же гарантом ее император является не только в качестве народного трибуна, но и как *pater patriae* – «отец отечества», к которому любой гражданин имеет право обратиться за защитой. Он же, со своей стороны, в полном соответствии с суждениями Платона в «Государстве» и особенно в «Политике», которые воспроизводит в своих политических диалогах Цицерон, является по отношению к согражданам воспитателем и попечителем, само причастие которого к высшему знанию является достаточной и единственной санкцией на любые его действия. Так что приходится признать, что слова Цицерона о том, что «как раз теперь больше нет оснований для разногласий между народом и избранными и первенствующими людьми, и народ ничего не требует, не жаждет государственного переворота и радуется мирной жизни, какую он ведет, высокому положению всех честнейших людей и славе всего государства» (Цицерон 1993, II, 139; пер. В.О. Горенштейна), не столько описывают реальное положение дел в римской политике 56 г., сколько стали наиболее популистским пунктом в программе восстановления *res publica populi Romani*, творцом которой, однако, стал его вероломный протеже, будущий император Октавиан Август.

С исчезновением популизма пришла в упадок и сама политика, проводниками которой в республиканскую эпоху были все граждане, в зависимости от своей сословной принадлежности. Активная жизнь на форуме прекратилась еще при Цезаре, а ведь именно ораторское искусство как инструмент передачи интересов самых разных политических сил, как спо-

соб утверждения нравственной позиции, направленной к всеобщему благу, Цицерон увязывал с существованием самой гражданской свободы (см.: Держивицкий, Перов, Положенцев 2020). Ушла в прошлое борьба партий, если не считать таковыми группировки внутри сената, соперничающих между собой за влияние на принцепса и иногда принимавших участие в дворцовых переворотах. Ушла в прошлое борьба за голоса избирателей, если не считать таковой раздачи, устраиваемые императорами в обмен на благорасположение народа. Ушли даже свойственные популистам былых времен дерзость и личные нападки. Сложно сказать, насколько определяющей была роль популизма в политической борьбе Рима, но то, что он был средством артикуляции интересов целого сословия, переводчиком ощущаемой им интуитивно и выражаемой стихийно социальной фрустрации на язык политики, наконец, стилем репрезентации тех политиков, которые были вынуждены ориентироваться на неоднородные слои граждан – несомненно. Поэтому присутствие популизма в политике, как показал опыт политической борьбы в поздней Римской республике, было не только неизбежным, но и полезным: он был ее компонентом, свидетельством самого ее живого существования, отличающим ее от стерильного варианта политической жизни эпохи империи. С одной только следующей из нашего обзора оговоркой: если при этом сам популист преследует всеобщее благо, достигаемое через восстановление прав большинства народа, осознающего свою сопричастность к нему именно в качестве полноправных граждан, а не благо свое личное или благо части народа. Но провести здесь четкое и непогрешимое разделение, к сожалению, не представляется возможным.

БИБЛИОГРАФИЯ

- Грималь, П. (1991) *Цицерон*. Пер. Г.С. Кнабе и Р.Б. Сашиной. Москва.
- Гримм, Э.Д. (1900) *Исследования по истории развития римской императорской власти*. В 2-х томах. Санкт-Петербург.
- Держивицкий, Е.В., Перов, В.Ю. (2018) «Императив *bona fides* и проблемы использования инвективы в политической борьбе поздней Римской республики», *ΣΧΟΛΗ (Scholē)* 12.2, 535–550.
- Держивицкий, Е.В., Перов, В.Ю., Положенцев, А.М. (2020) «Ultimum dilemma Брута, или возможно ли моральное оправдание убийства Цезаря», *ΣΧΟΛΗ (Scholē)* 14.2, 517–534.
- Кнабе, Г.С. (1985) *Культура Древнего Рима*. В 2-х томах. Москва.
- Короленков, А.В. (2008) «Из новейшей литературы о Сципионе Эмилиане», *Studia historica*, VIII, 211–223.
- Марченко, Г.И. (2010) «Квинт Цицерон как политический консультант», *Общественные науки и современность* 4, 82–91.

- Махлаюк, А.В. (2006) *Солдаты Римской империи: традиции военной службы и воинская ментальность*. Санкт-Петербург.
- Мюллер, Я.-В. (2018) *Что такое популизм?* Пер. А. Архиповой. Москва.
- Саллюстий (1981) *Сочинения*. Пер. и комм. В.О. Горенштейна. Москва.
- Цицерон (1966) *Диалоги*. Пер. В.О. Горенштейна. Москва.
- Цицерон (1993) *Речи*. В 2-х томах. Пер. В.О. Горенштейна. Москва.
- Цицерон (1994) *Письма к Аттику, близким, брату Квинту, М. Бруту*. В 3-х томах. Пер. В.О. Горенштейна. Москва.
- Шампаньи, Ф. (1882) *Цезари*. В 2-х томах. Пер. Д. Киреева. Москва / Санкт-Петербург.

REFERENCES

- Derzhivitskiy, E.V., Perov, V.Yu. (2018) "Imperativ bona fides i problemy ispolzovaniya invektivy v politicheskoy borbe pozdney Rimskoy respubliki," *ΣΧΟΛΗ (Scholē)* 12.2, 535–550.
- Derzhivitskiy, E.V., Perov, V.Yu., Polozhentsev, A.M. (2020) "Ultimum dilemma Bruta, ili vozmozhno li moralnoye opravdaniye ubiystva Tsezarya," *ΣΧΟΛΗ (Scholē)* 14.2, 517–534.
- Grimal, P. (1991) *Tsitseron*. Per. G.S. Knabe i R.B. Sashinoy. Moskva.
- Grimm, E.D. (1900) *Issledovaniya po istorii razvitiya rimskoy imperatorskoy vlasti*. V 2-kh tomakh. Sankt-Peterburg.
- Knabe, G.S. (1985) *Kultura Drevnego Rima*. V 2-kh tomakh. Moskva.
- Korolenkov, A.V. (2008) "Iz noveyshey literatury o Stsipione Emiliane," *Studia historica* VIII, 211–223.
- Makhlayuk, A.V. (2006) *Soldaty Rimskoy imperii: traditsii voyennoy sluzhby i voinskaya mentalnost*. Sankt-Peterburg.
- Marchenko, G.I. (2010) "Kvint Tsitseron kak politicheskii konsultant," *Obshchestvennyye nauki i sovremennost* 4, 82–91.
- Mueller, Ya.-V. (2018) *Chto takoye populizm?* Per. A. Arkhipovoy. Moskva.
- Shampani, F. (1882) *Tsezari*. V 2-kh tomakh. Per. D. Kireyeva. Moskva / Sankt-Peterburg.